

В.В.ГРИБОВСКИЙ

(Днепропетровск)

Управление ногайцами
Северного Причерноморья
в Крымском ханстве
(40–60-е годы XVIII в.)

Становление органов государственного управления у причерноморских ногайцев, входивших в состав Крымского ханства, еще не было предметом специального рассмотрения. Отдельные аспекты данной проблемы затрагивались в работах А.А.Скальковского, В.Д.Смирнова, Б.-А.Б.Кочекаева, Д.С.Кидырниязова [Скальковский, 1867; Скальковский, 1885–1886; Смирнов, 1887; Смирнов, 1889; Кочекаев, 1988; Кидырниязов, 1989; Кидырниязов, 2001] и других авторов, хотя ими не было вскрыто содержание интересующего нас процесса. В исследованиях, так или иначе затрагивающих проблематику истории Крымского ханства, при описании ногайцев считается достаточным сослаться на труды А.А.Скальковского, который рассматривал их пребывание в Северном Причерноморье как статичный процесс и экстраполировал данные середины XVIII в. о политической организации причерноморских ногайцев на весь период XVI–XVII вв. [Скальковский, 1867: 361, 362; Скальковский, 1994: 45–47].

В данной статье мы ставили цель проследить эволюцию институтов официального представительства Крымского ханства у причерноморских ногайцев, акцентируя внимание на вопросах трансформации традиционной общественно-политической организации и становления управленческих структур Крыма в ногайских ордах на протяжении XVIII в., а также взаимодействия политических институтов ханства и ногайских орд. Кроме того, задача заключается в выяснении интегративных возможностей государственной системы Крымского ханства в отношении этой категории населения.

Хронологические рамки определены 1740 и 1768 годами, т.е. периодом между двумя русско-турецкими войнами 1735–1739 и 1768–1774 гг. Выбор этого промежутка обусловлен тем соображением, что именно тогда под властью Бахчисарая сосредоточилось максимально большое количество ногайского населения, стабилизировались границы Крымского ханства с северными соседями; система русско-турецких договоренностей (особенно после заключения Белградского мира 1739 г.) четко фиксировала подданство причерноморских кочевников, препятствуя их самовольным миграциям и устраняя ситуацию перманентной войны между запорожским казачеством и подданными крымских ханов. Таким образом, у Крымского ханства едва ли не впервые за всю историю появилась возможность создать стабильные и постоянно действующие институты управления причерноморскими кочевниками, которые пришли на смену устоявшейся практике привлечения номадов, ситуативно мигрировавших в Северное Причерноморье (и точно так же ремигрировавших из региона), для осуществления набегов на земли северных соседей.

В научной литературе накоплен обширный материал, позволяющий судить о том, что политогенез кочевнических обществ не шел далее стадии протогосударства-чифдом [Васильев, 1981: 175]; наиболее крупные политические образования номадов могут быть определены как кочевые империи, типологически отличные от государств, созданных земледельческими народами [Крадин, 2000; Крадин, 2001; Трепавлов, 2000, Трепавлов, 2001: 547, 548]. Пребывание кочевого коллектива под властью земледельческого государства накладывало определенный отпечаток на возникавший в таком случае характер политической связи; установившие контроль над степью земледельческие общества так или иначе должны были учитывать специфику политического устройства номадов и соотносить с ней порядок властных отношений.

В свою очередь, номады не имели оснований проникаться какими-либо обязательствами перед своими сюзеренами. По наблюдению Иакинфа Бичурина, «кочевые народы подданством полагают выиграть четыре процента на один; поэтому, при случае, они даже соперничают в готовности подданства. Клятву они считают средством выиграть, а клятвопреступление и вероломство пустыми словами... Кроме того, они ищут свободы от ясака и возможности служить в войне для грабежу» (цит. по [Перетяткович, 1877: 126–127]).

Если не обращать внимание на пристрастность данного суждения, то согласимся, что в нем подмечено типичное поведение номадного коллектива в отношении земледельческих государств. Ослабление контроля со стороны сюзерена кочевники рассматривали как признак

его слабости; своими набегами они способствовали его ослаблению и легко меняли свою политическую ориентацию. Так произошло в начале XVII в. во времена Смуты в России, когда ногайцы вышли из ее подчинения и приняли активное участие в крымских набегах на российские земли. В период междоусобиц в Калмыкии в 1720-х годах значительная часть ногайцев перешла из калмыцкого в крымское подданство [Грибовский, 2001: 58–70]. Точно так же незадолго до ликвидации Крымского ханства, в 1770 г., ногайские орды перешли на сторону России, что стало одним из факторов, способствовавших ее продвижению к Черному морю.

Ногайская Орда, одна из поздних кочевых империй, прекратила существование в первой трети XVII столетия; тогда исчезли представители главной линии правившей там династии Эдигеевичей, имевшие титулы бия, нурадына, кековата и тайбуги [Трепавлов, 2001: 389, 390]. Большая часть ногайцев оказалась под властью калмыков, закрепившихся на Нижней Волге и создавших под протекторатом России Калмыцкое ханство. Но несмотря на потерю государственности, ногайцы сохранили свою улусную систему во главе с собственными мурзами, ведущими родословную от Эдиге. Таким образом, мурзы остались на вершине мелких конических кланов, существовавших на уровне образований разной величины, на которые раздробилась Ногайская Орда.

В составе Калмыцкого ханства подчиненное положение ногайцев выражалось в выплате дани, неравноправном разделе пастбищ в пользу доминирующего кочевого этноса (калмыков) и зависимости в военно-политических вопросах от калмыцкой аристократии. Едисанцы, джембуйлуковцы и Большие Ногаи (кроме тех, кто находился возле Астрахани под контролем российской администрации) кочевали по маршрутам, определяемым калмыками, и отдавали им часть приплода скота. В документах зависимое положение ногайцев обозначалось терминами «ясачные ногайцы», а также «кочевание в калмыцких улусах» или «общее с калмыками кочевание»; в частности: «Тинбаевы... и иные мурзы, которые кочуют в калмыцких улусех з женами и детьми и со всеми их улусными людьми» [АВПРИ, ф. 119, оп. 1, д. 14, л. 6; РГАДА, ф. 112, оп. 1, д. 2, л. 1–2 об.]. Мурзы Малых Ногаев сохранили возможность самостоятельно определять маршрут кочевания, но ежегодно давали дань калмыкам «по кумачу» от каждой семьи. Более поздние источники (1742 г.) уточняют, что калмыки брали у них от каждой семьи по одному барану и лошадей для обеспечения почтовой службы [АВПРИ, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 2].

Таким образом, в условиях доминирования калмыков социально-политическая организация ногайцев на уровне микроколлективов не

была нарушена; ногайцы кочевали целостными аулами, входившими в состав улусов своих мурз. Место бывших дигнитариев эпохи Ногайской Орды заняла калмыцкая знать во главе с ханом и тайшами, которая взяла на себя функции военно-политического контроля, управления набегами и раздела военной добычи, а также распределения пастбищ. По мере переселения ногайцев в Северное Причерноморье подобные функции по отношению к ним приняли крымские ханы, осуществлявшие главным образом редистрибуцию военной добычи и ясырей (полоняников), получаемых в результате набегов на земли Речи Посполитой и России.

Нужно отметить тот немаловажный факт, что прямым толчком для переселения большей части едисанцев и джебуйлуковцев из Калмыкии в Крым послужил указ, данный в 1721 г. царем Петром I астраханскому губернатору Волынскому о том, чтобы «джетысаны и джембуилуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам» [АВПРИ, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 4 об.], т. е. раздробить ногайские аулы по калмыцким кочевьям. Такая «раскосовка», конечно же, сnivelировала бы остатки социально-политической организации ногайцев и уничтожила их как этнос.

По своему внутреннему устройству Крымское ханство заметно отличалось от Калмыцкого как типичной кочевой империи. Особенность государства Гиреев заключалась в наличии достаточно развитой политико-административной системы, охватывавшей районы с сельскохозяйственной экономикой (горный Крым и предгорья); типологически она была сходной с ближневосточными системами. Но в Буджаке, Очаковской и Перекопской степях оставалась в действии архаичная модель, связанная с кочевническими политическими традициями [Fisher, 1978: 25]. Любые попытки крымских ханов установить стабильное налогообложение или усмирить строптивую ногайскую знать имели следствием миграцию ногайцев за пределы ханства — на Северный Кавказ и в Поволжье. Тем самым правители Крыма теряли главную ударную силу, используемую в набегах на северных соседей [Грибовский, 2004: 279–306]. Поэтому зависимость ногайцев от Крымского ханства долгое время не могла идти дальше обыкновенного данничества.

С подобной ситуацией сталкивалась и Россия даже в XIX в., ограничиваясь сбором ясака с неземледельческого населения «инородческих окраин»: кочевников, народов Сибири и Дальнего Востока, которые не подлежали централизованному налогообложению и у которых не существовало постоянного представительства центральных государственных органов [Кобищанов, 1995: 7].

Возникновение стабильных границ в Северном Причерноморье в начале XVIII в. обусловило важные изменения в государственном уст-

ройстве Крымского ханства. Заметно возросло вмешательство Стамбула во внутренние дела ханства, был усилен контроль Порты над внешней политикой Крыма, и его влияние на международные отношения уменьшилось. В то же время стабилизация границ открывала возможность для упорядочивания подданства ногайцев в составе Крымского ханства и Османской империи, что четко фиксировалось в русско-турецких соглашениях начиная с Константинопольского договора 1700 г. Урегулирование отношений между Портой и Россией, их обоюдная заинтересованность в существовании стабильных границ лишали ногайцев возможности самостоятельно осуществлять миграции и по своему усмотрению менять подданство. Категорическое требование Порты прекратить набеги создавало необходимость усиления военно-административного контроля Крымского ханства за ногайцами. Подчинение ногайских орд в новых геополитических условиях уже не могло ограничиваться простым данничеством.

В начальный период истории Крымского ханства мигрировавшие на его территорию ногайцы включались в бейлик мангытского карачи-бека на том основании, что глава крымского клана Мангыт был генетически связан с элем (родоплеменной общностью) мангытов, составившим основу Ногайской Орды [Трепавлов, 2001: 224]. В начале XVII в. ногайцы, кочевавшие за пределами Крымского полуострова (за исключением буджакцев), состояли в ведомстве ханского губернатора Перекопа — *ор-бея* [Люк, 1879: 485]. В середине XVIII в. он оставался третьим по значению крымским сановником (после калги и нурадына), которые назначались ханом из представителей династии Гиреев (иногда — из мурз клана Ширин), пользовались привилегиями и содержались за счет ханской казны [Пейссонель, 1925: 10, 17], хотя его prerogatives и функции к тому времени несколько изменились. Как и раньше, на *ор-бея* возлагалась ответственность за безопасность северных пределов ханства, включая руководство пограничной службой, пропуск иностранцев через Перекоп в Крым, решение вопросов, возникших в отношениях с приграничными соседями. Но гражданское управление и контроль немногочисленной Джембойлуцкой орды осуществлял перекопский *каймакан*, который назначался из простых служащих, не принадлежащих к фамилии Гиреев [Канцелярия, 2005: 300; Peyssonel, 1787: 300].

Впрочем, иногда *ор-бей* и перекопский *каймакан* в источниках упоминаются в сходных ситуациях и с одинаковыми функциями. В частности, при пропуске купцов и других иноземцев через Перекопскую линию, контактах с российской и польской пограничными администрациями и Запорожской Сечью по вопросам торговли, хозяйственных

связей, осложнений, возникавших в отношениях между приграничным населением. Например, перекопский каймакан Фетте-ефенди¹ официально представлял крымские власти в комиссиях по рассмотрению взаимных претензий крымских подданных и запорожцев в 1749, 1752–1754 гг. [Архів, 2000: 348, 498; Архів, 2003: 451]. Хотя одновременно с ним с Сечью переписывался ор-бей Рахим-Гирей-султан, который в запорожских документах также назывался «перекопским каймаканом» [Архів, 2003: 419].

Исходя из подобных случаев, в исторической литературе часто отождествляются эти два неравнозначных по статусу крымских чиновника, а должности ор-бея и каймакана рассматриваются как синонимы. Свидетельство французского консула в Крыму Шарля де Пейссонеля позволяет более четко разграничить их прерогативы; функции перекопского каймакана он связывает с управлением «ордой Янбойлук», т. е. Джембойлукской ордой, не имевшей сераскера: хан назначает туда только каймакана. Когда войска этой орды пребывают в походе, каймакан сопровождает их до того места, где армии должны соединиться, и возвращается в свой округ [Пейссонель, 1925: 18]. Следовательно, каймакан был наделен лишь функциями гражданского управления, включавшими в том числе и вопросы мобилизации. Военное дело оставалось исключительной прерогативой династии Гиреев и ее представителей, в том числе ор-бея.

Постоянное представительство ханской власти севернее Перекопской линии сначала установилось в Буджакской и Кубанской ордах. Во второй половине XVII в. (1663 г.) Буджаком управлял ханский *ялы-агасы*, т.е. «наместник побережья», резиденция которого находилась в селении Ханкишла (Ханкишласы) [Эвлия Челеби, 1961: 264] (теперь с. Удобное Белгород-Днестровского р-на Одесской обл., Украина). В начале XVIII в. крымские ханы назначали в Буджак правителей, получавших титул сераскера. К 1711 г. буджакским сераскером был Мухаммед-Гирей-султан [Субтельний, 1994: 77–80].

Отдельный ханский наместник постоянно находился при реке Кубань, управляя территорией Северо-Западного Кавказа; населявшие ее ногайцы и народы адыго-абхазской группы считались данниками крымского хана, платившими ему ясак [Кабардино-русские, 1957: 129]. Резиденцией кубанского сераскера было местечко Копыла (Капыл) на Кубани. Управление таким разношерстным населением требовало от сераскера постоянного перемещения. По данным Ш. де Пейссонеля, он редко оставался в своей резиденции и пребывал «в шатре»

¹ В документе, датированном 1 марта 1755 г., он упоминается как перекопский каймакан Ахмет Феттах [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 798, л. 198].

[Пейссонель, 1925: 18]. Многие из кубанских сераскеров завязывали родственные отношения с местной ногайской аристократией и знатными семьями горских народов. Некоторые после того, как крымский хан лишал их должности, оставались на Кубани и основывали местные династии султанов, сохранявшие принадлежность к фамилии Гиреев [Кочекаев, 1969: 9]. Таким образом, по мере упрочения постоянного представительства ханской власти вне Крымского полуострова формировался институт крымских правителей ногайских орд — *сераскер-султанов*.

Ногайские сераскеры входили в состав дивана крымского хана, в какой-то мере привлекались к решению вопросов государственного управления. Ш. де Пейссонель свидетельствует, что по степени влияния в ханском диване они занимали место, следующее после калги, нурадына и ор-бея, будучи по рангу выше ширинских беев (считавшихся главными среди карачи-беев), а также ханских чиновников — муфтия, везира, кази-аскера, казнадар-баши, дефтердара, аштаджи-баши, килерджи-баши, диван-эфенди, капиджи-баши и др. [Пейссонель, 1925: 34, 35].

Но в целом ногайцы не имели непосредственного представительства своих интересов в Бахчисарае. Первые ногайские мигранты, входившие в состав улуса мангытских карачи-беев, в середине XVIII в. натурализовались в крымско-татарской среде. Представители влиятельных ногайских родов занимали при ханском дворе незначительную должность *кушеджи-баши* — главного сокольничего [Пейссонель, 1925: 21]. Таким образом, сераскеры ногайских орд становились единственными посредниками между ногайцами и крымским ханом.

Сераскеры, подобно калге, нурадыну и ор-бею, имели более высокий статус, чем служилые аристократы. Они, согласно политической традиции Крымского ханства, могли передавать свой статус по наследству от старшего сына (брата) к младшему. Вопрос о наследовании титула возник при хане Халим-Гирее (1756–1758), который назначил буджакским сераскером своего сына Сеадета, вызвав недовольствие братьев покойного сераскера; они, ссылаясь на обычай, считали, что имеют первоочередное право наследования [Богущ, 1806: 354]. Этот политический обычай, напоминающий древнерусскую «лествицу», был характерен для многих кочевых империй [Гумилёв, 1959: 11–25]. Он представлен и в так называемом «кодексе Чингис-хана», который в Крымском ханстве, наряду с шариатом, считался фундаментальной правовой нормой [Смирнов, 1887: 307–312].

Но Османы, особенно в XVIII в., мало считались с политическими обычаями Крыма и проводили инвестиру правителей ханства без

внимания к их старшинству в роде Гиреев. Впрочем, местные традиции редко принимались во внимание и крымскими ханами, которые подражали турецкой модели администрации, основанной на принципах доминирования служебной аристократии над родовой [Fisher, 1978: 18].

Административно-территориальные и патримониально-родовые модели власти в Крымском ханстве тесно переплетались. Сами крымские ханы приобрели некоторые черты служебной аристократии благодаря тому, что турецкие султаны часто возводили их на крымский престол, как и смещали с него. Таким же перемещениям подвергались и их условные наследники и высшие сановники — калга, нурадын, ор-бей и сераскеры. Но все-таки вопрос старшинства в роде некоторым образом учитывался. Только в очень редких случаях и ненадолго место сераскеров занимали мурзы [Пейссонель, 1925: 15].

В пределах своей орды сераскер считался полноправным хозяином; он имел всю полноту военно-административной, фискальной и судебной власти, а также полномочия представлять интересы ногайцев в сношениях с российской и польской пограничными администрациями и Запорожской Сечью. Среди их прочих функций выделялось военное управление; не случайно Ш. де Пейссонель употребил в отношении сераскера термин «генерал». Сераскеры производили мобилизацию боеспособного населения, собирали налоги, осуществляли гражданское и уголовное судопроизводство с правом вынесения смертного приговора, что распространялось на все население подвластной им орды. Хотя ногайские мурзы имели право апелляции к крымскому хану [Пейссонель, 1925: 17, 18].

Определенными управленческими функциями наделялись каймаканы. На эту должность крымские ханы могли назначать ногайцев, крымских и литовских татар, армян и др. [Пейссонель, 1925: 10]. В частности, одним из каймаканов был литовский татарин Якуб-ага Лек (фиксируется в документах 1762 и 1765 г.), который управлял ханскими слободами в Побужье и имел резиденцию в слободе Кривое Озеро; источники также упоминают его как «воеводу» или «хатмана» Дубосарского (иначе: «гетман Волошский»). В то же время каймаканом слободы Голты был какой-то Черкасс [ИР НБУ, ф. 9, док. 2244–2247, л. 33; ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 143, л. 79–81]. В общем, должность каймакана в Крымском ханстве характеризовалась разными функциями и нефиксированным местом в управленческой иерархии. Единственный признак, выделявший каймаканов, — это принадлежность к служебной аристократии или местной родовой знати, не связанной родством с Гиреями. Иногда каймаканы выступали в роли «заместителя» титулованного правителя, но исключительно в вопросах граждан-

ского управления. Например, в случае отсутствия хана либо его смерти государственными делами в Бахчисарае ведал отдельный каймакан [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 121, л. 33; Пейссонель, 1925: 15].

Но все же реальная власть сераскер-султана в ногайских ордах была значительно ограничена ногайской родовой знатью, иногда представленной тем же каймаканом. Есть основания сопоставить его с упомянутым Ш. де Пейссонелем баш-мурзой (*bache-mirsa*) [Peyssonel, 1787: 303], т.е. главным мурзой. В документах Запорожской Сечи и российской дипломатической корреспонденции обычно фигурируют каймаканы, и нам не встретилось ни одно упоминание о баш-мурзах в других источниках, кроме Пейссонеля. Хотя, возможно, об одном из баш-мурз идет речь в искаженном русскими переводчиками тексте о едичкульском «ваш мурзе Инчин Билат Иншкозя Нарсламбецком» [Архів, 2000: 242]. У Пейссонеля баш-мурза изображен как «глава знати» (*chef de la Nobless*), принадлежащий к первому по знатности ногайскому роду своей орды или аула. Другие знатные семьи «ему подчиняются и относятся к нему с редким почтением» [Peyssonel, 1787: 303–304]. По значимости баш-мурза в орде был равен крымским карачи-бейам, и баш-мурзы были как в отдельных ордах, так и аулах [Пейссонель, 1925: 41].

О степени влияния ногайской знати на ханских представителей в ордах можно судить по обычаю обязательного расположения резиденции сераскера со своим штатом в баш-мурзинском ауле, а главное — в участии баш-мурз в работе сераскер-султанского дивана. Там, по свидетельству Пейссонеля, баш-мурзе принадлежит первое место, поскольку сераскер не имел права наказывать мурз, не посоветовавшись с ним; обязательными были консультации с ним и по вопросам военной мобилизации, и в отношении всего, что касалось управления ордой. Вопросы налогообложения сераскер также должен был согласовывать с баш-мурзой [Пейссонель, 1925: 41].

Необходимо обратить внимание на то, что данные Пейссонеля о положении баш-мурз относятся исключительно к Едисанской орде. Ко времени, когда французский консул готовил свою записку (1755 г.), Джембойлуцкая орда была немногочисленной и находилась под контролем отдельного каймакана, назначенного крымским ханом; социально-политическое устройство Буджакской орды существенно видоизменилось еще в XVII в., к тому же власть буджакского сераскера отличалась меньшей зависимостью от ногайской родовой знати. Едичкульскую орду, поселенную на левобережье нижнего течения Днепра в 1759 г., Пейссонель вообще не упоминает. Хотя, как уже отмечалось, не исключено наличие «ваш-мурзы» у едичкульцев.

У нас нет определенных данных о том, что собой представляли Эдисанская, Джембойлуцкая и Едичкульская ногайские орды, собранные под властью Крымского ханства в первой половине XVIII в.: составляли ли они целостные субэтнические образования внутри ногайского этноса или же возникли вследствие совместного проживания аулов, принадлежащих разным родовым подразделениям, расселенным крымскими ханами на отдельных территориях; среди них на первое место выдвинулись эдисанцы, джембойлуковцы и едичкульцы, определившие названия новообразованных орд. Мы склоняемся ко второму варианту решения вопроса, хотя он требует отдельного рассмотрения.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют проследить остатки давних, унаследованных от Ногайской Орды институтов, в частности *курултаев* — съездов ногайской родовой аристократии, где решались экстраординарные вопросы, возникавшие в отношениях между ногайскими ордами и Бахчисараем. Эти собрания происходили как внутри определенной орды, так и при участии представителей разных орд. В частности, есть данные о том, что в июле 1766 г. «в ордах татарских Джембойлуцкой и Едичкульской... было собрание... Они съехались для советывания по поводу наложенных и взыскиваемых в ханскую казну поборов» и при этом «крайнюю в правлении неспособность хана и слабость поносили» (цит. по [Андреевский, 1894: 95–96]). Кроме того, *курултай* выступал важным регулятором социальных отношений внутри орд. Вопросы о старшинстве рода иногда становились причиной острых споров, перераставших во вражду между ногайскими мурзами. Но в целом, благодаря прочности традиционной социальной структуры, у причерноморских ногайцев не образовалось локальных династий крымских Гиреев, и носители сераскерских титулов не трансформировались в привилегированную прослойку султанов, как это случилось у кубанских ногайцев.

Отдельно рассмотрим процесс становления управленческой инфраструктуры ханства в причерноморских ногайских ордах. Одно из первых упоминаний о назначенном крымским ханом сераскере к ногайцам, **мигрировавшим** из Калмыкии, датируется 1735 г., когда упоминается ногайский сераскер Ахмет-Гирей-султан, резиденция которого находилась возле речки Молочной, что в Северном Приазовье [Скальковский, 1994: 269].

Расселение эдисанцев и джембойлуковцев стабилизируется после окончания Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. В начале 1740-х годов Эдисанская орда находилась в ведомстве буджакского сераскера, о чем свидетельствует тот факт, что в 1744 г. «салтан белгородский

сераскер» обменивался официальными письмами с Запорожской Сечью по поводу дел едисанцев; на комиссии по решению пограничных споров 1749 г. он вместе с перекопским каймаканом был уполномочен крымским ханом рассматривать совместно с российскими представителями споры, возникавшие между населением степного порубежья, и представлять интересы ногайцев [Архів, 2000: 348–350]. Одновременно буджакский сераскер контролировал и едичкульцев, которые к 1740-м годам были размещены в Бессарабии. Немногочисленная Джембойлуцкая орда, заняв под кочевание Перекопскую степь, как уже отмечалось, попала в ведомство перекопского каймакана и не имела ханского представителя уровня сераскер-султана.

Скорее всего, первый сераскер был назначен в Едисанскую орду во время правления крымского хана Арслан-Гирея (1748–1755). Заняв престол, он назначил своего брата Крым-Гирея нурадыном и буджакским сераскером одновременно; другой ханский родственник, Мухаммед-Гирей, стал ор-беем. Но скоро Крым-Гирей отказался от обеих должностей и выехал в Румелию. Тогда Арслан-Гирей провел другую комбинацию назначений. Отстранив Мухаммед-Гирея, он передал титул ор-бея своему старшему сыну Селиму, среднего, Девлета, назначил буджакским сераскером, а младшего — Шахбаза — сераскером Едисанской орды [Негри, 1844: 391]. Вероятно, последние два назначения произошли в 1753 г.; по крайней мере Шахбаз-Гирей-султан упоминается 24 сентября 1753 г. как «новоучрежденный» «главный командир» над едисанцами [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 798, л. 185]. Но довольно быстро едисанцы опять очутились под властью сераскера Буджакской орды Девлет-Гирея. Он демонстративно обрушил репрессии на буджакских мурз, взял под стражу главного буджакского Али-мурзу и замучил его голодом [Кочекаев, 1988: 143].

В 1754 г. Шахбаз-Гирей выступил в поход на черкесов [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 108–108 об.]; в его отсутствие у едисанцев появился новый «командир» — каймакан ногайский Джан-мурза. Около года (по крайней мере с начала 1754 и до февраля 1755 г.) он управлял Едисанской ордой и выступал главной фигурой в официальной переписке по делам орды с Запорожской Сечью [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 798, л. 192–194]. Вероятно, и до того Джан-мурза пользовался значительным влиянием среди едисанцев. Возможно, именно он фигурировал в запорожских документах под именем едисанского Дзяум- или Джаум-мурзы, совершившего дерзкий набег на Бугогардовскую паланку Войска Запорожского в ноябре 1747 г. [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 798, л. 8 об.].

В 1755 г. упоминается едисанский Ахмед-каймакан, «кой кочует разстоянием от Бугу два дни езды в урочище речки Коялныка (т.е. Ку-

яльника)». Он вел официальную переписку с комендантом крепости Св. Елизаветы по вопросам о взаимных претензиях приграничного населения, которые касались едисанцев. Но следует отметить, что такие сношения проходили под контролем буджакского сераскер-султана [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 40, 104 об.]. В феврале 1755 г. буджакский сераскер Девлет-Гирей-султан в письме, адресованном к российскому генерал-майору Глебову, обратил внимание на то, что «нагайский народ (речь идет о едисанцах. — В.Г.) не состоит под властью моею», но при этом предложил свое посредничество для передачи писем российских пограничных командиров «находящимся над теми татарами к кадыю и каймакаму». Оказывается, едисанский каймакан Ахмед должен был всю корреспонденцию, получаемую из-за границы, отправлять для перевода в Ханкишла к буджакскому сераскеру. Кроме того, последний имел полномочия вызывать едисанские караульные команды для получения сведений о пограничных инцидентах [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 27, 40, 41].

Таким образом, воспользовавшись отсутствием Шахбаз-Гирея, буджакский Девлет-Гирей-султан снова стал контролировать едисанцев. Сераскер Шахбаз, вернувшийся из неудачного похода, намеревался поселиться у каймакана на Куяльнике [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 108–108 об.]. Но в описании дальнейших событий он уже не упоминается.

Буджакские сераскеры сохраняли непрямой контроль за едисанцами, пользуясь тем, что власть следующих сераскеров Едисанской орды оставалась крайне слабой. Шаткость их положения проявлялась в отсутствии постоянной резиденции и необходимости проживания в аулах едисанских каймаканов. Это не давало возможности создать полноценный административный аппарат и держать кочевников под контролем из стратегически выгодного пункта. Крымские ханы и турецкая администрация не могли предоставить едисанскому сераскер-султану сколько-нибудь значительную военную команду, поскольку Белградский мирный договор запрещал вблизи степной границы строить крепости и содержать в них гарнизоны. Не имея действенных средств осуществления своей власти, едисанский сераскер оставался номинальным правителем, а Едисанская орда, выделяясь своей численностью, влиятельными мурзами и уровнем благосостояния [Пейссонель, 1925: 57], слабо контролировалась Бахчисараем.

Выгодное положение буджакского сераскера характеризировалось наличием постоянной резиденции в Ханкишла, где был сераскер-султанский дворец с чиновничьим аппаратом во главе с *султан-агасы*; рядом же находилось множество больших и малых турецких крепо-

стей с гарнизонами, которые можно было в любой момент привлечь для подавления восстания ногайцев. В 1754 г. в штате чиновников буджакского сераскера был писарь, выходец с Украины, открыто исповедующий христианство и свободно владеющий языком российского делопроизводства, был также советник Махмед-ага, грек по происхождению, исповедующий ислам [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 40 об.–42, 74 об.]. По мере разрастания, управленческий аппарат буджакского сераскера превращался в традиционный диван, наподобие тех, что были у крымского хана, калги, нурадына и крымских карачи-беев. По этому поводу Пейссонель заметил: у сераскеров есть свои везиры, дефтердары, диван-эфенди, кадии, «и вообще их двор подобен ханскому» [Пейссонель, 1925: 18.].

Стоит также обратить внимание, что буджакцы жили в стационарных поселениях, поэтому их было значительно легче контролировать, нежели кочевников-едисанцев. Местная родовая аристократия, еще в XVII в. ослабленная репрессиями и принудительной седентаризацией, имела гораздо меньшее влияние на правителя Буджака.

Едисанцы были недовольны навязчивой опекой буджакского сераскер-султана, который с санкции Стамбула и Бахчисарая контролировал их отношения с приграничным населением Польши, Молдовы и России и в соответствии с требованиями Белградского договора препятствовал их набегам на земли соседних держав, заставлял возвращать награбленное имущество и возмещать ущерб, наконец платить налоги в ханскую казну, объем которых постоянно возрастал.

Едисанцы неоднократно предпринимали попытки выйти из крымско-турецкого подданства. В 1754 г. едисанские мурзы направили посольство в Санкт-Петербург с прошением о предоставлении им российского подданства [Эварницкий, 1903: 1866, 1867]. Примечательно, что его возглавил ногаец Кутлу Акай Хаджи, которого еще Шахбаз-Гирей отправлял нарочным к российской пограничной администрации [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 798, л. 185]. Этого Кутлу Акая Хаджи можно сопоставить с Кутлунай Ажием, который в 1743 г. представлял на рассмотрение киевского генерал-губернатора жалобы едисанцев на запорожцев [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 611, л. 19, 92]. Посольства с подобными предложениями едисанцы отправляли также и в Польшу [Андреевский, 1894: 63]. Естественно, оба государства, связанные договорными отношениями с Крымом и Турцией, не могли согласиться принять ногайцев в свое подданство.

Другим средством проявления протеста едисанцев против возрастания государственной регламентации стала поддержка мятежей претендентов на крымский престол в надежде получить от них некоторые

послабления. В ноябре 1754 г. едисанцы отказались идти в поход на Черкесию [Архів, 2000: 766.]. Но наиболее радикальным проявлением протеста стало восстание едисанцев, буджакцев и кубанских ногайцев в 1758 г., которое привело не только к смене правителя на ханском престоле, но и стало причиной важных изменений в системе управления ногайскими ордами.

В начале правления хана Халим-Гирея (1756–1758) усилилось налоговое давление на ногайцев. Буджакскому сераскеру Хаджи-Гирею некоторое время удавалось гасить недовольство буджакцев и едисанцев и удерживать их под контролем. После его смерти в 1757 г. его должность осталась вакантной. Этим воспользовались едисанские мурзы, которых слабо контролировал сераскер их орды, и опустошили приграничные земли запорожских казаков. Российское правительство заявило Порте протест, из Стамбула в Бахчисарай пришел указ о наказании едисанцев и возмещении ими ущерба, причиненного запорожцам. Хан Халим-Гирей, назначив своего сына Сеадета сераскером в Буджак, дал ему соответствующее поручение. Сеадет-Гирей жесткими мерами добился от едисанцев возмещения ущерба, невзирая на протесты еще правомочного едисанского сераскера Саад-Гирея. Последний, по свидетельству Пейссонеля, чувствуя себя обиженным, дал полную волю ногайцам своей орды, ни в чем им не препятствуя [Пейссонель, 1925: 58, 59].

Когда едисанский сераскер самоустранился от влияния на течение дел, сераскер Буджака снова стал полным хозяином Едисанской орды, допуская при этом чрезмерный произвол. Объем затребованных им компенсаций значительно превышал реальные убытки, понесенные запорожцами. Многих едисанских мурз, обвиненных в участии в набегах, взяли под стражу и содержали в Буджаке, некоторые из них были казнены или умерли в тюрьме. Наиболее скандальный случай произошел, когда Сеадет-Гирей превратил жену и дочь одного мурзы в своих наложниц и позволил своим подчиненным производить насилие над семьями репрессированных мурз [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 111–113; Пейссонель, 1925: 59; Канцелярія, 2005: 293]. Крымский хан и Порта, выполнив свои договорные обязательства перед Россией, оставили без внимания безобразия Сеадет-Гирея. Часть вещей, присвоенных буджакским сераскером в ходе сбора средств для возмещения убытка, была в качестве взятки передана турецкому великому везиру Рахиб-паше, который поэтому смотрел сквозь пальцы на перечисленные злоупотребления [Пейссонель, 1925: 59].

Не получив защиты в Стамбуле, едисанцы пожаловались турецким кадиям города Бендеры, четверо из которых специально приезжали

в Ханкишла для того, чтобы пожуричь буджакского сераскера. Но тот в ответ пригрозил наказать едисанцев, если они еще раз посмеют пожаловаться, и выступить против них с 30-тысячным буджакским войском [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 56–56 об.].

Следующим шагом Сеадет-Гирея стал насильственный вывоз зерна из Едисанской и Буджакской орд в Стамбул, по требованию Порты, поскольку были трудности обеспечения столицы продовольствием. И это поручение Сеадет выполнил со свойственной ему жестокостью и корыстью, чем вызвал огромное возмущение в обеих ордах, и не только. Опасаясь восстания, он выехал в Бахчисарай, где провел зиму 1757/1758 г. Долгосрочное отсутствие одиозного сераскера, затянувшееся из-за того, что он заболел дизентерией, и умеренное управление его каймакана несколько успокоили едисанцев и буджакцев [Пейссонель, 1925: 60, 62].

В начале мая 1758 г. Сеадет-Гирей вернулся в Буджак. Едисанцы встретили его крайне враждебно, что побудило его собрать 20-тысячный отряд из буджакцев, турок, молдаван, румын и яманов² Аккермана, Килии и других городов. Но командир турецкого гарнизона в Бендерах отказался ему помогать и не предоставил в его распоряжение артиллерию. В мае 1758 г. вблизи Бендер произошло вооруженное столкновение, в котором едисанцы разгромили войско Сеадета-Гирея. Последний, будучи раненным, скрылся в Бендерах; послушных ему буджакцев едисанцы потеснили на правый берег Днестра [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 112–118]. По сообщению Пейссонеля, исход битвы был решен переходом части буджакцев на сторону едисанцев [Пейссонель, 1925: 62–63]. Войско едисанцев, выросшее к тому времени до 80 тыс. человек, подошло к Бендерам и стало требовать выдачи Сеадет-Гирея. Последнему снова пришлось бежать в Каушаны, где собралось несколько тысяч вооруженных буджакцев, все еще поддерживавших своего сераскера [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 111–111 об.].

Завершив разгром буджакского сераскер-султана, едисанцы выгнали и собственного сераскера Саад-Гирея. При этом они не задавались

² Встречающийся в источниках термин *яман* пока трудно поддается определению. Вероятно, речь идет о ногайцах, осевших в турецких и крымских городах Северного Причерноморья, которые использовались как вспомогательные, плохо вооруженные войска. В тюркских языках *яман* имеет значение «плохой», что является указанием на качество этой военной силы. Это понятие фиксируется применительно к ногайцам. В частности, в 1707 г. крымский хан Каплан-Гирей выступил в поход на Северо-Западный Кавказ с войском, в составе которого находилось 6 тыс. буджакских ногайцев, 15 тыс. ханских *секбанов* (наемников), 3 тыс. *сипаги* (турецкая конница) из Кафы, 5 тыс. темиргоевских черкесов и других ногайцев, «известных как яман садак» (*yaman sadak*) [Howorth, 1880: 571].

целью вообще освободиться из-под власти Крыма и Турции. Едисанцы направили делегацию в Стамбул для объяснения причин своего недовольства Сеадет-Гиреем. Неспешность турецкого правительства с решением ногайского вопроса содействовала дальнейшему разворачиванию восстания. В начале августа 1758 г. несколько тысяч едисанцев перешли на правый берег Днестра и сожгли четыре буджакских села; они планировали захватить сераскер-султана, но тот успел скрыться в одной из турецких крепостей на Дунае [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 22 об., 23; Пейссонель, 1925: 63]. Восстание, начавшееся как протест против произвола крымского сановника, стало перерастать в традиционный кочевнический набег на земледельческие территории. К едисанцам присоединились буджакцы, вместе они захватили и разграбили города Дубоссары, Яссы и прилегающие к ним молдавские села, отогнали огромное множество скота. В конце сентября крупные вооруженные объединения едисанцев готовились вступить в бой с бендерскими турками, хотя отдельные бои завязались только с арнаутскими командами, которые подходили к Бендерам [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 6; Скальковський, 1994: 361; Канцелярія, 2005: 288, 293, 302, 303].

Источники содержат упоминания о руководителе восстания — едисанском Мембет-мурзе, который, по некоторым известиям, «жил в Бендерах» [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 22]. Бендерские янычары отказались защищать Сеадет-Гирея [Смирнов, 1889: 236]. Едисанцы, видимо, во второй раз направили в Стамбул жалобы на Сеадет-Гирея и хана Халим-Гирея. В ответ на это Порты приказала буджакцам, крымским татарам, янычарам очаковского, бендерского и хотинского гарнизонов, румелийскому паше немедленно выступить на покорение едисанцев [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 22 об.]. По отдельным данным (скорее всего преувеличенным), из Румелии на Едисанскую орду выступило от 40 до 80 тыс. турецкого войска, которым на подмогу было отправлено 10 галер. Из Крыма вышел Сеадет-Гирей с войском до 200 тыс. человек. 24 сентября он попросил запорожских казаков помочь переправить его войско через Днепр в районе Кизи-Кермена [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 22–22 об.; Канцелярія, 2005: 294, 298–303; Смирнов, 1889: 236].

В этой ситуации едисанцы еще раз обратились к России с прошением о принятии их в подданство, подобное намерение заявили и буджакцы. Но под воздействием соответствующих предупреждений Порты и крымского хана российское правительство ответило отказом и разослало по пограничным форпостам приказ о том, чтобы ногайцев «не токмо в здешнюю сторону не пропускать, но и силою от границ

здешних отбивать» [ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 1 об.]. Турецкое правительство и крымский хан с подобными предупреждениями обратились к Польше, где также были приняты меры, запрещающие укрывать в имениях шляхты ногайцев [Канцелярія, 2005: 293]. Кроме того, Халим-Гирей предложил Запорожской Сечи установить казачьи караульные команды на среднем и нижнем течениях Южного Буга, а также по Днепру до Кизи-Кермена невзирая на границы [Скальковский, 1994: 369]. В качестве платы за услугу хан разрешал запорожцам беспрепятственно грабить ногайцев: «Весь их (ногайцев. — *В.Г.*) скот и имение да будет пред вами, а нам толко отдавать их головы» [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 103 об.].

Восстание едисанцев и буджакцев вызвало заметный международный резонанс. Примечательно, что его отслеживало до полутора тысяч запорожцев, специально направляемых в ногайские аулы [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 3 об.], а французский консул в Крыму написал о нем целый трактат, чтобы проинформировать свое правительство. В то же время вспыхнуло восстание кубанских ногайцев против другого сына Халим-Гирея — кубанского сераскера Крым-Гирей-султана [АВПРИ, ф. 112, оп. 1, д. 1, л. 3 об.; ИР НБУ, ф. 9, док. 420–425, л. 1 об.; Пейссонель, 1925: 51–73]. Этими обстоятельствами воспользовались сын бывшего кубанского правителя Бахты-Гирея — Сеадет-Гирей и другой претендент — Бахадур-Гирей, стремившиеся занять должность кубанского сераскера, хотя сами кубанские ногайцы заявили о желании самостоятельно избирать сераскеров и выступили против их назначения крымским ханом.

Примечательно, что восставшие в Эдисане, Буджаке и на Кубани поддерживали между собой тесную связь, а буджакцы даже имели намерение прийти на помощь кубанцам [Канцелярія, 2005: 304, 305]. В итоге ногайцы не только отказались вывозить хлеб в Стамбул [Богущ, 1806: 358], но и требовали предоставления самоуправления, а также отважились влиять на назначение крымского хана.

Событиями, произошедшими в ногайских ордах, решил воспользоваться Крым-Гирей, брат хана Арслан-Гирея, который, как мы уже отмечали, в свое время отказался от должностей нурадына и буджакского сераскера и как частное лицо проживал в Бургасе. Он внимательно следил за ходом восстания и послал к едисанцам своего представителя Хаджи-Гирея. Убедившись в слабости хана и неопределенности позиции Порты, он заручился поддержкой румелийских турок и прибыл в Бессарабию [Богущ, 1806: 358, 359]. Мурзы Эдисанской и Буджакской орд признали его своим ханом в ответ на обещание отменить повинность поставки хлеба в Стамбул и разрешение пограбить

Молдову. Благодаря этому демагогичному ходу Крым-Гирей приобрел славу «якоря надежд ногайцев», дав им повод надеяться, что скоро вернуться те благословенные времена, когда можно было беспрепятственно совершать набеги на оседлых соседей-земледельцев. Крым-Гирей вошел в Аккерман, где прятался нурадын-султан действующего хана, и овладел переправами на Днепре [Пейссонель, 1925: 69].

В это время Порта устранила с крымского трона Халим-Гирея и во второй раз назначила ханом Арслан-Гирея. Однако, не имея силы подавить восстание ногайцев без участия гарнизонов Румелии и Бессарабии, поддерживающих Крым-Гирея, турецкое правительство в октябре 1758 г. признало, что лучше санкционировать его фактическое избрание ханом ногайцами [Смирнов, 1889: 233–237; Богуш, 1806: 358, 359; Пейссонель, 1925: 69].

Восстание едисанских, буджакских и кубанских ногайцев 1758 г. в целом достигло своей цели. Большинство ногайцев понимали ее как устранение непопулярного Халим-Гирея и его своевольных сыновей-сераскеров. Но сказанное не исчерпывает всего спектра мотиваций. Как нам кажется, главным среди них был протест против усиления государственной регламентации Крымского ханства и стабилизации границ, лишавших кочевников возможности совершать набеги на соседей. От прочих ногайских восстаний его отличают крупные масштабы, наличие собственного руководства и координация действий между ногайскими ордами, находившимися на больших расстояниях друг от друга.

После восстания 1758 г. произошли важные изменения в системе управления Крымского ханства. В первую очередь оказалось нецелесообразным предоставлять ханскому правителю в Буджаке широкий круг полномочий по отношению ко всем ногайцам Северо-Западного Причерноморья. Эту проблему Крым-Гирей в период своего первого пребывания на ханском престоле (1758–1764) решил, создав свою вторую столицу в г. Каушаны. Здесь был построен ханский дворец, приспособленный для военных, административных и представительских целей [Клеemann, 1783: 56, 57]. В Каушаны он приезжал из Бахчисарая практически ежегодно, инспектируя по ходу следования ногайские орды и непосредственно осуществляя свои властные prerogatives по отношению к кочевникам.

Временной резиденцией Крым-Гирея сначала стало селение «Кишела» — вероятно Ханкишла или упоминаемое в источниках середины XVIII в. село Кишеньки. Как сообщает современник тех событий Пейссонель, в нем хан оставался до тех пор, пока не навел порядок у ногайцев [Пейссонель, 1925: 73].

Пребывание Крым-Гирея в Каушанах фиксируется в январе 1759 г. [Скальковський, 1994: 362]. В это время он был занят тем, что принуждал (вопреки своему обещанию и по требованию Порты) Едисанскую и Буджакскую орды возместить урон, нанесенный во время грабежа молдавских земель, и освобождал пленных, которых ногайцы превратили в своих ясырей [Смирнов, 1889: 237]. По информации запорожских источников, в июне того же года Крым-Гирей в сопровождении 60 мурз и нескольких тысяч войска разбил лагерь у с. Копанки, что на р. Чичаклее, и занялся конфискацией у буджакцев «и других ногайских орд» хлеба и скота; тогда же ему прислали указ Порты о его назначении крымским ханом и подарили кафтан и седло за то, «чтобы он пограбленное у хотинской райи все вернул и пленных людей, которые в Польшу ушли, разыскал и вернул» [Скальковський, 1994: 362–363].

Нахождение Крым-Гирея в Бессарабии затягивалось на полгода, вызывая у российского правительства подозрения, что готовится нападение на Россию. После решительного протеста российского посла в Турции Порты весной 1759 г. приказала хану переехать в Крым, чтобы «хан между обоими дворами чего-либо несходного не учинил» [Кочекаев, 1988: 157]. Но длительное пребывание Крым-Гирея в Каушанах повторилось и в следующем году. Так, 25 апреля 1760 г. фиксируется, что «хан крымской еще в Коушанах находится и вокруг ево едисанская и буджацкая орда стоит в аулах, он же хан в Бакчисарай намерен следовать в апреле м[еся]це, однако... может де быть и нынешнее лето в едисанах хан проживет». Только 23 июня появилось сообщение о том, что он со всем двором приехал в Бахчисарай [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 6–25]. Но в сентябре 1763 г. Крым-Гирей снова находился в Каушанах, поручив специально назначенному каймакану заниматься государственными делами в Крыму. В то время в г. Яссы умер калга-султан, а новоназначенный калга должен был ехать к Крым-Гирею в Каушаны для прохождения церемонии инвеституры [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 121, л. 33].

Сезонные переезды между Бахчисараем и Каушанами позволяли Крым-Гирею лично контролировать сераскеров Буджакской, Едисанской и Едичкульской орд, так же как и ногайских мурз, которые должны были персонально встречать хана по пути его следования через их аулы [Никифоров, 1844: 376; Скальковський, 1994: 367]. Во время пребывания лагеря Крым-Гирея на р. Солгирь в 1760 г., по сообщению из Запорожской Сечи, «при хане ж султани и мурзы со всех орд имеются, а все к нему весма склонились и почитают за нахрабрейшего своего хана, а которие де противних ему прежде з едисанских и протчих мурз, то с тех многих и штрафовал, а инних при себе содержал»

[ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 30–30 об.]. В марте 1761 г. Крым-Гирей приехал для инспектирования крепости Перекоп, затем вернулся в Бахчисарай; за ним следом ехали буджакские, едисанские, едичкульские и джембойлуцкие мурзы [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 30 об.].

Практика периодических разъездов правителя по своим владениям для осуществления в каждой местности властных полномочий, безусловно, является прямым указанием на слабость централизации государственной системы ханства, понуждавшую обращаться к архаичному принципу организации власти, характерному для протогосударственных образований. Ю.М.Кобищанов, рассмотрев аналогичные случаи на материале афро-азиатских обществ, предложил использовать для его типологического обозначения термин «полюдь», распространяя его и на кочевников Центральной Азии [Кобищанов, 1995: 223–227]. Полюдь правителей кочевнических империй традиционно осуществлялось посредством переездов между несколькими условными столицами, преимущественно «летней» и «зимней» резиденциями. Если «собственная маетность» Крым-Гирея в Каушанах служила летней резиденцией, то зимняя ставка хана располагалась вблизи Бахчисарая, но не в самой столице ханства. Выше упоминался лагерь Крым-Гирея на р. Солгирь (1760), хотя это могло быть связано и с факторами другого порядка, например эпидемиями [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 30–30 об.]. В 1764 г. проводились значительные строительные работы в «загородном дворце» Крым-Гирея в урочище Ашлам; здесь он соорудил «со украшением немалый дом, а строение, как всякий лес, так и дикое камень, черепицу, известь и всякие материалы... подданные... возили безденежно». Одновременно строился дворец в *чифтлик*е (частном имении) Крым-Гирея в Румелии [Никифоров, 1844: 377].

Переезды Крым-Гирея сопровождались перемещениями и военной мобилизацией значительного количества людей. Это обстоятельство вынуждало российское и польское правительства держать значительные военные силы на границах, постоянно ожидая крымского вторжения. Состав вооруженных подразделений, мобилизованных ханом, был разнородным. В 1760 г. запорожцы свидетельствовали, что под его командованием находятся Буджакская и «Крымская» орды, «еще из волоских и татарских сел охотных людей», а у с. Копанки хан «наипаче гайдамак набирает». Обеспечение этого войска возлагалось на молдавское население, подвозившее провиант и уголь, «волошские» кузнецы подковывали лошадей; всего насчитывалось около 40 тыс. воинов. Концентрация крымского войска в Бессарабии вынуждала польское правительство сосредоточить 12-тысячное войско в Липовце и Шаргороде [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 88, л. 4–11].

Была еще одна причина, понуждавшая хана длительное время находиться в Северо-Западном Причерноморье. Хаджи-Гирей, калга-султан прежнего хана, скрылся от его преследования в польских владениях, в г. Могилев-Подольский. Сначала он намеревался перейти на службу к прусскому королю, но затем, узнав о стремительном падении популярности Крым-Гирея среди едисанцев, решил задержаться на польско-крымском порубежье. Едисанские мурзы, обманувшись в своих надеждах, возложенных на Крым-Гирея, стали поддерживать отношения с бывшим калгой. В первой половине 1759 г. на его сторону переметнулись Жолмамбет-мурза, Орак-мурза, Канай-мурза и другие, количество улусного населения которых насчитывало до 30 тыс. семей [Кочекаев, 1988: 158].

Ввиду того что польское правительство не реагировало на требования о выдаче этого мятежника, Крым-Гирей, по сведениям запорожцев, трижды просил у Порты разрешение начать войну с Польшей, а вместе с тем и совершить набег на Новосербию и Запорожье [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 88, л. 7–11]. В конце концов вопрос с Хаджи-Гиреем был решен благодаря вмешательству российских властей, вынудивших польских пограничных губернаторов депортировать бывшего калгу и ногайцев со своей территории. Тогда Хаджи-Гирей с несколькими ногайскими мурзами попросил о предоставлении убежища в России, но русское правительство, ссылаясь на договорные обязательства перед Турцией, отказало ему [Кочекаев, 1988: 158–164].

Крым-Гирей неоднократно инициировал слухи о скором начале войны Турции с Россией, что давало ногайцам повод надеяться на возобновление набегов и вначале обеспечивало ему популярность в ханстве. Имитация воинственности производилась им и в отношении Турции. Так, в апреле 1761 г. распространились слухи о том, что в Бахчисарай прибыли три турецких паши с войском, чтобы сбросить Крым-Гирея с престола, и будто бы по этому поводу он говорил: «как де он то ханство получил саблюю, то и де саблюю оное и отдаст» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 40 об.]. Он также разглашал намерение разрушить крепость Св. Елизаветы и «повесить свою нагайку» в Петербурге [Смирнов, 1889: 238], обещая при этом ногайцам богатую добычу. Однако эти бахвальства не шли дальше намеренно распространяемых слухов, главная цель которых заключалась в том, чтобы поддержать свой авторитет среди ногайцев и воинственной крымско-татарской знати. Большая часть его угроз была адресована запорожцам, досаждающим подданным крымского хана грабежами, хотя последние тоже не упускали случая пограбить или взять в плен казаков.

Из-за непредсказуемости Крым-Гирея Запорожская Сечь пребывала в «наикрепчайшей предосторожности». Впрочем, постоянная раз-

ведка запорожцев выясняла только то, что «нине же с той стороны ничего не предвидется и орды зимуют в своих прежних кочевьях понад Днепром и понад Бугом рекою... тихо смирно толко доволним числом авулов... стали» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 10 об.].

В действительности Бахчисарай не предпринимал серьезной подготовки к войне с Россией. Даже наоборот, Крым-Гирей шел на уступки и с санкции Порты согласился принять российского консула для постоянного нахождения в Крыму. При этом хан неуклонно усиливал административный контроль над ногайцами и увеличивал налоги, заботился о безопасности границ и обустроивал гражданское управление в ханстве. Он вынашивал планы привести ногайцев к оседлому образу жизни, для стимулирования чего он предлагал Порте построить пристань в Кизи-Кермене, через которую можно было бы вывозить зерно, выращенное едичкульцами [Смирнов, 1889: 238, 239]. Как и во времена предшественников Крым-Гирея, продолжилась практика проведения комиссий по разбору взаимных претензий между приграничным населением, т.е. пограничные споры решались мирным путем. В частности, запорожские информаторы в 1761 г. выяснили, что «татары и турки по разговорам их желают жить з здешними границами мирно и о окончании бывшей з запорожцами войсковой комиссии весьма все благодарны» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 21 об.].

Крым-Гирей больше не считал ногайцев главной социальной базой своего правления. Первым его шагом, как уже упоминалось, стало наказание едисанцев и буджакцев за разграбление молдавских земель. В 1760 г. хан провел в Едисанской орде перепись населения, для того чтобы выяснить готовность едисанцев мобилизовать каждого четвертого мужчину для участия в походе [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 52]. В действительности правительство хотело узнать точное количество податного населения для корректировки налоговой политики. Влияние центральной власти в Едисанской орде возрастало; попытки противодействия едисанцев заканчивались только репрессиями и усилением налогового давления. В марте 1761 г. произошел конфликт едисанцев с бендерскими турками; для его расследования был командирован сераскер-паша с тремя «татарскими старшинами» и «немалим войском» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 51 об.–52].

Для ослабления Едисанской орды Крым-Гирей намеревался разделить ее на две части, планируя переселить до 30 тыс. едисанцев и около 20 тыс. джембойлуковцев «на крымскую сторону Перекопу и по границе даже до Азовского моря расположит... ис коих некоторые уже чрез Ачаков и переправляются» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 1]. Накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Едисанская орда

уже была разделена на две части; меньшую часть, численностью до 8 тыс. семей, разместили на Крымском полуострове, в 1771 г. ее возглавлял Эль-Хаджи-Джаум-мурза [Эварницкий, 1903: 1984, 1987].

Крым-Гирей сохранил практику назначения сераскеров ногайских орд из представителей династии Гиреев и каймаканов из числа влиятельных ногайских мурз. Сераскером в Едисанскую орду он назначил своего сына Бахты-Гирея [Никифоров, 1844: 376]; в 1762 г. фиксируется едисанский каймакан мурза Делде, зимняя ставка которого находилась возле Куяльницкого лимана [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 137, л. 43]. Для того чтобы обезопасить северные границы ханства от рейдов запорожских казаков, Крым-Гирей в 1759 г. сформировал отдельную Едичкульскую орду, переселив из Бессарабии и Прикубанья остатки Больших Ногаев на левобережье нижнего Днепра. Едичкульцы, размещенные на границе с Войском Запорожским, должны были служить «подвижным буфером», сдерживающим натиск украинской земледельческой колонизации на степное пространство.

На новообразованную Едичкульскую орду были распространены требования и условия, которые касались всех ногайских орд, находящихся под властью Крымского ханства. Едичкульцы должны были возмещать ущерб, нанесенный земледельческому населению в результате набегов и грабежей. Во время переселения на левобережье Днепра в 1759 г. едичкульцы разграбили находящиеся в Побужье ханские слободы. По требованию Крым-Гирея часть захваченного ими имущества была возвращена [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 88, л. 19]. Сразу же после переселения у едичкульцев возникли столкновения с запорожцами. Эти инциденты расследовались на пограничной комиссии 1760 г.

Ханскую власть в Едичкульской орде представлял отдельный сераскер, взаимодействовавший с каймаканом. После смещения Крым-Гирея с крымского престола в 1764 г. Едичкульская орда так и осталась кочевать на той территории; ее аулы часто переходили российскую границу и самовольно занимали под кочевья запорожские уголья, что вызывало протесты Запорожской Сечи и ее требования отселить едичкульцев подалее от границы. В 1766 г. сераскером Едичкульской орды был назначен сын нового хана Селим-Гирея — Адыл-Гирей, резиденция которого находилась возле р. Рогачик, на расстоянии 30 верст от Запорожской Сечи [Эварницкий, 1903: 1860]. Едичкульский каймакан упоминается еще в 1760 г. [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 90, л. 144 об.].

Социальная организация едичкульцев оставалась традиционной: «При всяком ауле начальниками бывают мурзы, с тою толкою отменою,

что в ином один мурза, а в другом одной фамилии или три, по числу кибиток. Сии мурзы суть наследственных аулов владетели» [Эварницкий, 1903: 1860].

Правление Крым-Гирея вызвало большое неудовольствие как у ногайцев, так и в среде крымской аристократии, возмущенной его деспотическими наклонностями и усилением налогового давления. Российский консул в Крыму А.Никифоров, извещая свое правительство о смещении Портой Крым-Гирея с престола в 1764 г., указал, что причиной тому послужили «многия-ж всем подданным, так Едичкульским, как Буджацким и Кубанским татарам обиды и безчисленные грабежи и насильно чрез разныя приметы от греков, армян и жидов вымогательства денег немалых сум», а также использование дармового труда своих подданных во время строительства ханских резиденций [Никифоров, 1844: 377].

Но главное направление политики Крым-Гирея по отношению к ногайцам осталось неизменным при следующем хане, Селим-Гирее. Он приложил усилия к тому, чтобы Едичкульская орда осталась в пределах, указанных его предшественником, и продолжил практику увеличения налогообложения ногайцев. Собравшись на курултай в 1766 г., едичкульцы и джембойлуковцы заявили, что считают «возведение сего хана нарочным умыслом Порты, употребленным для вяцаго их утеснения и порабощения, и явно отзываются, что о перемене сего хана стараться не преминут» [Андриевский, 1894: 96]. Были недовольными политикой нового хана и едисанцы. Они даже пробовали склонить едичкульцев к тому, чтобы вместе с ними перекочевать на Кубань, а оттуда — в Россию. Возбудителем этого движения оказался Хаджи-Гирей, который после депортации из Польши проживал в резиденции Гиреев в Румелии [Андриевский, 1894: 63, 64, 96]. Последнее крупное восстание едисанцев произошло накануне Русско-турецкой войны 1768–1774 г. и прекратилось после того, как Крым-Гирей во второй раз занял ханский трон и пообещал разрешить набеги на российские земли.

Традиционные обязательства ногайских орд перед Крымским ханством заключались в военной службе, государственных повинностях и уплате дани, которая со временем переросла в фиксированный налог.

Выступая в поход, крымский хан оповещал об этом сераскера, требуя от него мобилизовать определенное количество ногайцев. Осенью 1760 г. от буджакцев и едисанцев потребовалось по 7 тыс. человек, от джембойлуковцев — 3 тыс., от едичкульцев — 2,5 тыс., от киргизов, проживавших в Джембойлуцкой орде, — 6 тыс., от крымских татар — 40 тыс., всего — 65,5 тыс. человек [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 89, л. 55].

В январе 1761 г. ханский указ требовал «нагайскому войску быть к походу во всякой готовности со второго казана по человеку (т.е. половине ногайского войска. — В.Г.), которых состоять имеет до ста до осмидесят тысяч человек» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 3 об.]. Впрочем, в этих данных, собранных запорожцами, сомневался российский переводчик Ф.Семенов, уверяя, что ногайцы не могут собрать 180-тысячное войско, поскольку всех вооруженных ногайцев наберется «не более будет, как до осмидесят тысяч» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 3 об.].

Получив приказ о выступлении в поход, сераскер должен был предварительно оговорить требуемое ханом количество людей с баш-мурзой орды. Для определения этого количества следовало принимать в расчет и то обстоятельство, что некоторая их часть должна была оставаться для защиты собственных аулов; оставшиеся сохраняли право на равную часть военной добычи, распределявшейся между участниками похода [Пейссонель, 1925: 41]. После сборов ногайское войско группировалось в отряды-*байраки*, создававшиеся на основе отдельных улусов и орд и возглавляемые собственными мурзами. Байраки были разными по численности в зависимости от количества улусного населения, которым владел мурза; байрак баш-мурзы выделялся бóльшим штандартом [Peyssonel, 1787: 304–309].

В период 1740–1768 гг. крымские ханы использовали ногайскую конницу главным образом для походов на Северо-Западный Кавказ и подавления внутренних мятежей и восстаний. Походы на черкесов и кабардинцев имели преимущественно грабительскую мотивацию — как, например, в 1754 г., когда горские народы отказались «ясиров давать хану и царю турецкому» [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 16]. Перемещение ногайских соединений из причерноморских степей на Кавказ представляло собой мероприятие достаточно затратное и рискованное, поскольку предполагало осуществление двух переправ (на Бугском и Днепровском лиманах и через Керченский пролив), и к тому же должно было проходить через земледельческие районы Крыма, из-за чего хозяйству наносился заметный урон. В 1754 г. едисанцы переправлялись из Очакова в Кинбурн на 29 судах, за один рейс в каждом размещалось по 30–40 человек вместе с лошадьми [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 34 об.]. Проходя через Крымский полуостров, ногайская конница вытаптывала поля, поэтому, как свидетельствуют источники, «от множественного... собрания войска великое чинится крымскому народу разорение» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.].

Участие ногайцев в крымских походах отличалось крайне низким уровнем организации и часто сопровождалось конфликтами между ханскими сановниками и ногайской знатью, а также сварами ногай-

ских мурз. В 1755 г. от едисанского сераскера Шахбаз-Гирея на сторону черкесов перешло более половины ногайцев; по отдельным данным, от его 10-тысячного войска не возвратилось в свои аулы и сто человек. Хан тогда был вынужден провести новую мобилизацию [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 108–108 об.]. Весной 1761 г. в поход на черкесов выступили джембойлуковцы и едичкульцы, но за две мили от Перекопа они остановились и самовольно вернулись назад, оправдываясь ожиданием дополнительного ханского указа; едисанцы тогда вообще отказались принимать участие в походе [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41–41 об.].

Во время того похода между ханским визирем и главным едисанским мурзой Канаем произошло столкновение, они дрались на саблях, ранив друг друга. Причиной конфликта стало своеволие визиря. Черкесы удовлетворили требование крымского хана платить дань 200 ясырями, но визирь вдруг затребовал 1000 ясырей, на что черкесы ответили отказом. Военные действия должны были продолжаться, а это привело к мятежу ногайцев, которые отказались воевать против черкесов [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 57].

В XVIII в. ногайцы в некоторой степени приспособились к использованию огнестрельного оружия. Достаточно часто они применяли его при набегах на приграничные районы своих северных соседей. Так, во время нападения на запорожский Гард в 1747 г. едисанцы наряду с луками и копьями применяли ружья [ЦГИАУК, ф. 59, оп. 1, д. 1166, л. 2, 3], а в походе на черкесов в 1761 г. ногайские отряды имели 32 пушки, вероятно, предоставленных вместе с обслугой крымским ханом [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 49]. Несколько преувеличивая, но отражая некоторые реалии, Пейссонель отметил, что одна только Едисанская орда может мобилизовать 80 тыс. человек, оснащенных «всеми видами оружия» [Пейссонель, 1925: 58].

Пограничная служба ногайцев не была регулярной. Решение об учреждении караульных команд по обе стороны российско-турецкой границы было принято на комиссии по рассмотрению запорожско-крымских пограничных споров в 1752–1754 гг. В 1754 г. ханская администрация известила Запорожскую Сечь о том, что едисанцы уже разместили пограничные караулы по Южному Бугу и что перед ними поставлена задача противодействовать проникновению гайдамаков во владения Крымского ханства [Эварницкий, 1888: 92].

Но ногайцы создавали караульные команды не систематически и зачастую в экстраординарных случаях. В частности, в 1755 г. разъезды караулов производились по случаю мятежа и побега калги-султана к черкесам, чтобы предупредить его переход в Польшу или Россию.

Один из таких караулов находился на р. Чичаклея [ИР НБУ, ф. 9, док. 132–214, л. 42 об., 104].

В 1761 г. уже существовала сеть объездных караулов, охватывавшая территорию от Очакова вверх по Южному Бугу вплоть до польских границ. Караулы составляли команды из ногайцев Едисанской орды. Эти же команды содержали посты, в которых находилось по четыре человека [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 3–4 об.]. В январе 1761 г. упоминаются караулы «конницы нагайского ширинбея... мурзы Муси Мустафина син Бекташова» и Султан Мамбет-мурзы с командой до 70 человек. Эти мурзы известили русского переводчика Ф.Семенова: «Нагайской орды от стороны крымской караулом об'езд и раз'езд имеют от Ачакова вверх по Бугу реки до самых полских границ», «и те... учреждены команды по указу крымского хана, в которых де состоит по сту и по полтора человека в семи местах и всякой... приказано свои пост содержать для поимки гайдамаков, понеже де татары от оных гайдамак претерпевают в занятии их лошадей и рогатого скота немалые обиды», «для чего... близ границы российской по буграм разставлено на карауле четыре человека татар для разведывания об оных гайдамаках». Начальники ногайских караулов предлагали согласовывать действия ногайских и запорожских караульных команд и информировать друг друга «ежели б где могли каких шатающихся сумнительных людей на татарской стороне усмотреть» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 3–3 об.].

Среди государственных повинностей, возлагаемых на ногайцев, было строительство фортификационных сооружений, в частности, в Перекопе. В 1761 г. хан Крым-Гирей приезжал туда для осмотра «городовой починки» и приказал «имеющийся около города ров поновить и сделать противу прежнего гораздо глубь и шире». Город Перекоп тогда был обведен тремя стенами, ров углублен до семи сажен. На тех работах использовались «едичкулских и жамбулуковских народов рабочие люди» [ЦГИАУК, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41–41 об.].

Но главной обязанностью ногайцев во время строительства все-таки была транспортировка строительных материалов и прочих грузов. Постоянной повинностью ногайцев являлась «подводная», т.е. предоставление по требованию хана или сераскера подводы (арб) или перевозка своими силами различного рода поклажи — как коммерческого назначения, например купеческих товаров, так и грузов для нужд государства (как уже говорилось, стройматериалов для строительства или ремонта крепостей, провианта и боеприпасов для турецкой и крымской армий во время военных действий в Северном Причерноморье или близлежащих регионах).

Ногайцы обеспечивали лошадьми и фуражом хана и его двор, когда хан передвигался по своим степным владениям, а также работу почтовой (ямской) службы. В Крымском ханстве почтовые станции (пункты, где происходила замена лошадей) принадлежали государству и размещались в таких городах, как Бахчисарай, Улуклукар, Канджанбак, Гезлеве, Ак-Меджид (Ак-Мечеть), Карасубазар, Кафа, Кермен-кале, Тамань, Копыл. На каждой из них находилось по 60 лошадей. Половину расходов почтовых станций покрывала ханская казна, остальное приходилось на счет ногайцев. Отдельный налог на содержание почты в размере десятины урожая зерна платили джембойлуковцы. Пользоваться почтовыми станциями можно было только во исполнение распоряжений хана. Пейссонель отмечает, что почтовые станции в Крымском ханстве работали лучше, чем в других регионах Османской империи [Пейссонель, 1925: 39–40].

Незначительный уровень централизации Крымского ханства отразился на организации налоговой системы. В ханскую казну ежегодно приходило 15 тыс. пиастров, или турецких серебряных левков, от «правительства Ялы» в Буджаке и 4,8 тыс. от «правительства Кавшан», которые представляли что-то вроде имений крымского хана; их основное население составляли полуоседлые буджакские ногайцы и молдаване. Эти «имения» напоминают типичный для Османской империи *тимар* — условное держание, которое предоставлялось только на время пребывания на крымском престоле. Такой же ханский тимар находился возле Дубоссар, из которого хан получал 8 тыс. пиастров [Пейссонель, 1925: 10]; в украинских источниках он обозначен как «ханские слободы». Кроме дохода с тимаров, крымский хан получал с Буджакской и Едисанской орд десятину собранного урожая хлеба. Иногда этот натуральный налог имел денежное выражение (12 тыс. пиастров). С 1755 г. крымский хан Селим-Гирей передал право получать этот налог Порте, которая использовала его для обеспечения *сейменов*³ [Пейссонель, 1925: 40].

Хлеб, выращиваемый в Северо-Западном Причерноморье, в значительных объемах поставлялся в султанскую столицу. В 1766 г. на ногайцев было возложена выплата «неотменной ежегодной дани» в виде десятины от приплода скота и выращенного хлеба. Об этом шла речь на курултае едичкульцев и джембойлуковцев, постановившем «хана просить о уменьшении сих поборов, так как за прежних ханов было». На то время едисанцы платили налог деньгами — от 10 до 30 турецких левков серебром от каждой кибитки [Андриевский, 1894: 63, 95, 96].

³ Разновидность пехоты, состоящей на жалованье.

Свою «плату за службу» имели и сераскеры ногайских орд. Буджакский сераскер ежегодно получал по одному пиастру с каждого дома и по одному барану с отдельного села; едисанский сераскер — по одному пиастру с кибитки (семьи) и по одному барану от мурз, возглавлявших аул или владевших большим количеством кибиток, а также 300 быков по случаю своего назначения; кубанский сераскер получал десятину собранного зерна в своей орде, что составляло наибольший объем выплат по сравнению с тем, что получали другие сераскеры. Ор-бей получал по три барана от каждого стада, находящегося на перекопских пастбищах, и, кроме того, имел ежегодно по 500 пиастров от перекопских соляных промыслов, 300 пиастров так называемых «медовых денег» из Молдавии и 150 из Румынии [Пейссонель, 1925: 17, 18].

Таким образом, в период 1739–1768 гг. заметно возросли объемы интеграции причерноморских ногайских орд в государственную систему Крымского ханства, которое посредством учреждения администрации сераскер-султанов и предоставления должностей каймаканов ногайским мурзам смогло удерживать под контролем степную периферию. Введение систематического налогообложения, государственных повинностей и обязательных платежей в пользу ханских чиновников, установление пограничной и сторожевой службы содействовали увеличению степени лояльности ногайцев к своему крымскому сюзерену. Но в периоды дезинтеграции ханства, мятежей крымской знати и восстаний ногайцев единственным рычагом воздействия на ногайские орды оставалась государственная граница, гарантированная международными обязательствами Российской и Османской империй.

Стабильная и контролируемая граница на степном порубежье лишила ногайцев возможности прибегать к традиционным формам противодействия — миграции за пределы влияния государства-сюзерена и маневрирования на противоречиях между Российской и Османской империями. Стабилизация границ на степном пространстве и упорядочивание подданства кочевников составили важную новацию в истории западной части Великой Евразийской Степи, обозначив последний этап, предшествующий окончательному поглощению Российской империей кочевнической ойкумены.

Андриевский, 1894 — *Андриевский А.А.* Русские конфиденты в Турции и Крыму в 1765–1768 гг. // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 8. Киев, 1894.

Архів, 2000 — Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 2. Київ, 2000.

- Архів, 2003 — Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 3. Київ, 2003.
- Богуш, 1806 — *Богуш С.С.* История царства Херсонеса Таврийского. Т. II. СПб., 1806.
- Васильев, 1981 — *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981, № 6.
- Грибовський, 2001 — *Грибовський В.* Процес міграції ногайців до території Кримського ханства у I половині XVIII ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С.Грушевського. Т. 6. Київ, 2001.
- Грибовський, 2004 — *Грибовський В.* Формування локальної групи причорноморських ногайців у XVI–XVII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. № 4. Київ, 2004.
- Гумилёв, 1959 — *Гумилёв Л.Н.* Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII веках (к вопросу о ранних формах государственности) // Советская этнография. 1959, № 3.
- Кабардино-русские, 1957 — Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. II. М., 1957.
- Канцелярія, 2005 — Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники В.Мільчев, О.Посунько // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005.
- Кидырниязов, 1989 — *Кидырниязов Д.С.* Политическое устройство ногайцев в XVIII веке // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
- Кидырниязов, 2001 — *Кидырниязов Д.С.* Ногайцы в XV–XVIII вв. (Политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Докт. дис. Махачкала, 2001.
- Клеман, 1783 — Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли бюджетских и нагайских татар. СПб., 1783.
- Кобищанов, 1995 — *Кобищанов Ю.М.* Полудье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.
- Кочкаев, 1969 — *Кочкаев Б.Б.* Классовая структура ногайского общества в XIX — начале XX века. А.-А., 1969.
- Кочкаев, 1988 — *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. А.-А., 1988.
- Крадин, 2000 — *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Крадин, 2001 — *Крадин Н.Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001, № 5.
- Люк, 1879 — *Юрченко П.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879.
- Негри, 1844 — *Негри А.* Извлечение из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844.
- Никифоров, 1844 — Донесение российского резидента при крымском хане Никифорова о низложении Крым-Гирея // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844.
- Пейссонель, 1925 — Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии, посланная в 1755 г. министром короля господином де Пейс-

- сонель / Пер. В.Х.Лотошниковой. Машинопись. Симферополь, 1925. (Научная библиотека «Таврика» Крымского респ. краеведческого музея. Ед. хр. 9. С 1 П-24).
- Перетяткович, 1877 — *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
- Скальковский, 1867 — *Скальковский А.* О ногайских колониях в Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии. Вып. I. Симферополь, 1867.
- Скальковский, 1885–1886 — *Скальковский А.А.* История Новой Сечи, или Последнего Коша Запорожского. Т. 1–3. Одесса, 1885–1886.
- Скальковський, 1994 — *Скальковський А.О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. Дніпропетровськ, 1994.
- Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
- Смирнов, 1889 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889.
- Субтельний, 1994 — *Субтельний О.* Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст. Київ, 1994.
- Трепавлов, 2000 — *Трепавлов В.В.* Бий мангытов, коронованный chief: вожества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
- Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Эварницкий, 1888 — *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. СПб., 1888.
- Эварницкий, 1903 — *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских козаков. Т. II. Владимир, 1903.
- Эвлия Челеби, 1961 — *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. I. М., 1961.
- Fisher, 1978 — *Fisher A.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
- Howorth, 1880 — *Howorth H.H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Pt. II. L., 1880.
- Peyssonel, 1787 — *Peyssonel M. de.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. T. II. P., 1787.

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей

ИР НБУ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

ЦГИАУК — Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве